

- ⁵ Федоров-Давыдов Г. А. Денежное дело Золотой Орды. М., 2003. № 6 ; Мухамадиев А. Г. Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. М., 1983. Табл. X, № 5–6.
- ⁶ Винничек В. А., Недашковский Л. Ф. Монеты с Никольского селища // Труды международных нумизматических конференций. Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XIV веков. М., 2005. № 14.
- ⁷ Винничек В. А., Недашковский Л. Ф. Монеты с Никольского селища... № 7 ; Латишин А. С., Мыськов Е. П. Исследования на Водянском городище в 2009–2010 гг. Волгоград, 2011. № 1 ; Мухамадиев А. Г. Булгаро-татарская монетная система... Табл. X, № 7 ; Пырсов Ю. Е. Каталог джучидских монет... № 51 ; Шельди Н. М. Булгаро-татарские монеты... № 154–155 ; Федоров-Давыдов Г. А. Денежное дело Золотой Орды... № 14–15 ; Френ Х. М. Монеты ханов Улуса Джучиева... Табл. II. Рис. LVII, № 67.
- ⁸ Пырсов Ю. Е. Каталог джучидских монет... № 64.
- ⁹ Пырсов Ю. Е. Каталог джучидских монет... № 276 ; Шельди Н. М. Булгаро-татарские монеты... № 313 ; Федоров-Давыдов Г. А. Денежное дело Золотой Орды... № 212.
- ¹⁰ Федоров-Давыдов Г. А. Денежное дело Золотой Орды... № 332.
- ¹¹ Лебедев В. П. Корпус монет Крыма в составе Золотой Орды // Нумизматика и фалеристика. 2000. № 1–3. № 36.
- ¹² Федоров-Давыдов Г. А. Денежное дело Золотой Орды... № 576.
- ¹³ Сингатулина А. З. Джучидские монеты... С. 42 ; Янина С. А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1957 г... С. 210 ; Янина С. А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1953–1954 гг. // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. II. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 61). М., 1958. С. 399 ; Лебедев В. П. Корпус монет Крыма в составе Золотой Орды... С. 32.
- ¹⁴ Федоров-Давыдов Г. А. Денежное дело Золотой Орды... С. 12.
- ¹⁵ Сингатулина А. З. Джучидские монеты... С. 16–26, 70–71 ; Федоров-Давыдов Г. А. Денежное дело Золотой Орды... С. 10–11.
- ¹⁶ Почекаев Р. Ю. Батый. Хан, который не был ханом. М., 2006, С. 141–142 ; Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 2, М. ; Л., 1952, С. 38.
- ¹⁷ Почекаев Р. Ю. Батый... С. 16–26.
- ¹⁸ Пятыхшева Н. В. Изображение пентаграммы как датирующий признак некоторых памятников Херсонеса // Античная древность и средние века. Вып. 10. 1973. С. 215–216 ; Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.). (МИА. Вып. 7). М. ; Л., 1950. Табл. 17, рис. 307–310.
- ¹⁹ Пятыхшева Н. В. Изображение пентаграммы... С. 217.
- ²⁰ Пигарев Е. М. Знаки на керамике Селитренного городища // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 8. Волгоград, 2008. С. 249–257.
- ²¹ Тропин Н. А. Сельские поселения XII–XIV вв. южных территорий Рязанской земли. Воронеж, 2004. С. 137, 145–146.
- ²² Макаров Л. Д. Древнерусское население Прикамья в X–XV вв. Ижевск, 2001. С. 19, 95.
- ²³ Васильева Н. Б. Средневековые гончарные клейма... С. 53–61. Рис. 1, 9.
- ²⁴ Пятыхшева Н. В. Изображение пентаграммы... С. 216–217 ; Литаврин Г. Г., Пятыхшева Н. В. Бронзовая пластинка из Херсонеса с именем Анастасия // Stadia in honorem Veselini Besevliev. Sofia, 1978, С. 262–265.
- ²⁵ Васильева Н. Б. Средневековые гончарные клейма... С. 53.
- ²⁶ Пятыхшева Н. В. Изображение пентаграммы... С. 217–218.
- ²⁷ Барбаро И. Путешествие в Тану // Каспийский транзит. Т. II. М., 1996. С. 150.
- ²⁸ Смирнов К. А. Святилище в урочище Ага-Базар // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. II. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 61). М., 1958, С. 351–358.
- ²⁹ Рычков Н. П. Дневные записки путешествия в Киргиз-Кайсацкую степь в 1771 году. СПб., 1772. С. 26–27.

УДК 94(47).046+94(438+477)

СЕВЕРСКИЙ ПОХОД В ПЕРИОД СМОЛЕНСКОЙ ВОЙНЫ 1632–1634 ГОДОВ В ДОКУМЕНТАХ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ДРЕВНИХ АКТОВ

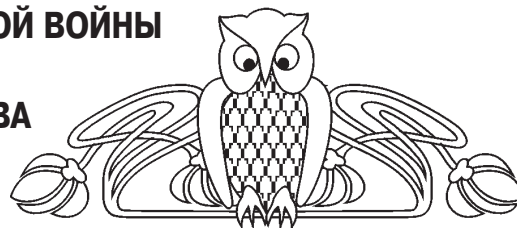
А. С. Ракитин

Юго-Западный государственный университет, г. Курск
E-mail: ant-rakitin@yandex.ru

В данной источниковедческой статье приводится свод документов, свидетельствующих о ходе событий и боевых действий на Северском театре Смоленской войны 1632–1634 гг.

Ключевые слова: Смоленская война, Северская земля, Путь, Рывльск, Севск, Речь Посполитая, черкасы.

© Ракитин А. С., 2012

Smolensk 1632–1634 War Seversky Campaign in the Documents of Russian State Archive of Ancient Documents

A. S. Rakitin

Of the sources in this article provides a set of documents testifying to the events and hostilities on the Seversky Theatre Smolensk war years 1632–1634.

Key words: Smolensk war, Severa region, Putivl, Rylsk, Sevsk, Polish-Lithuanian Commonwealth, Cherkases.

Работа с документальными источниками по тематике Северского театра войны 1632–1634 гг. и его главного эпизода – Северского похода 1632–1633 гг. – подразумевает выявление, изучение и введение в научный оборот целого комплекса актового материала и способствует дополнению общей картины хода русско-польской войны за возвращение Смоленска на данном участке боевых действий.

Сохранившиеся в фондах Российского государственного архива древних актов (РГАДА, г. Москва) документальные источники позволяют восстановить ход событий данного значимого для военной истории Отечества периода, а также показать противоречивость политических и социальных отношений, складывавшихся на юго-западных рубежах Российского государства в первой половине XVII столетия.

Основная база источников по означенному эпизоду отечественной истории наиболее полно представлена в РГАДА фондом Разрядного приказа (фонд 210) в его различных отделах – столбцах Московского, Владимирского, Новгородского, Белгородского, Севского и Приказного столов. Особый информативный свод данных, правда, с достаточно поверхностным уровнем содержательности, представляют собой разрядные книги – документация преимущественно справочного характера.

Из опубликованных источников, касающихся Северского похода, можно отметить представленные в первом томе сборника «Акты Московского государства»¹.

Итак, анализируемый комплекс условно классифицируем в виде двух больших групп с несколькими подгруппами в каждой.

Первая группа источников представляет собой свод документов оперативно-исполнительного характера, в который входят:

а) «наказные памяти» – правительственные инструкции должностным лицам, указы («указные грамоты») – распоряжения от верховной власти (от имени царя), а также «докладные выписи» и «памяти» из Разряда в другие приказы. В них содержатся сведения о принятии решений по каким-либо конкретным проблемам и вопросам, связанным с военно-служилым сообществом северских городов и порядком его действий. Касалось это достаточно широкого спектра наказов и обязанностей, в том числе и дисциплинарного характера. В наказах разрядных книг служилым людям Северской «украины» накануне начала кампании на Северском театре Смоленской войны особо приказывалось ни в коем случае не обострять отношений с православным населением – «русскими людьми», – относиться к ним благосклонно и ничем не обижать: «...приказывати к ним и писать тайно, чтоб они, помня Бога

и православную крестьянскую веру, от Литовских людей и от их мысли отстали, и государю добились челом, и крест целовали, и были в православной крестьянской вере под государевою высокою рукою по прежнему». Строго запрещалось брать православных людей, их жен и детей в качестве крестьян и холопов в свои поместья и вотчины. Аналогичное касалось и фуража: «кормы конские» предписывалось покупать самим, а не добывать грабежом у селян². Особые предписания Разряда касались взятого во время боев полон: «... а присылати языков служилых людей, а пашенных мужиков к Москве не присылати, потому что за пашенных мужиков язычного давать не велено. А велети пашенных мужиков и всякой Литовской полон служилым людям держать у себя в поместьях и в вотчинах от рубежа в дальних местех. А которые служилые люди похотят литовской полон продавать, и им литовской полон велеть продавать потому ж в дальние места»³;

б) отчетная документация местной администрации (отписки, донесения воевод) в центральные учреждения (Разряд). Такого рода источники содержат сведения об отправке служилых людей к театру боевых действий, столкновениях и серьезных сражениях с противником в пределах российской территории, ходе военной кампании под городами «литовской» Северы, черкасскими городками и т. п.

Взятия северских городов сопровождалось отправкой в столицу так называемого сеунщика (сеунч (тюрк.) – весть о победе). На этот счет существовал целый ряд челобитных. Как правило, на должность сеунщика назначались дети и родственники воевод и наиболее отличившиеся в бою дворяне и дети боярские, реже – беломестные атаманы и казаки. Так, после взятия Трубчевска в декабре 1632 г. в Москву были направлены два сеунщика – карачевский сын боярский Горностаев Веревкин и беломестный атаман того же города Илья Горячкин⁴. В 1633 г. били челом о пожаловании за службу, «за взятие Рамонского острожка», путивлянин Леонтий Литвинов (родственник воеводы Литвинова-Мосальского) и новгород-северец Матвей Кусаков⁵. Сеунчи, привезенные в столицу, как правило, были мало информативными и несли некую печать героизации действий преимущественно начальных ратных людей;

в) внутренняя переписка между воеводами русских северских городов – Рыльска, Путивля, Брянска и Севска, а также «новоприемных» Трубчевска, Новгород-Северского, Стародуба-Северского и Почепы, где с 1632 по 1634 г. недолго, но все же существовала московская администрация. Переписка включает в себя разного рода информацию – от литовских вестей о перемещении вражеских отрядов и войск (польско-литовских, татарских) до призывов к совместным действиям «на Поле» и в военных экспедициях под черкасскими городками. В качестве любопытного примера об организации совместных действий ратных людей

«на Поле» можно привести письма воевод Путивля Никиты Гагарина и Андрея Усова к воеводам Курска, Рыльска, Севска и Новгород-Северского с призывом о высылке «в сход» служилых и охочих людей «в Новгородской уезд на Спаское поля», дабы отсюда сообщить «для промыслу» на «литовские города» – либо под Борзну, либо под Нежин, смотря по ситуации⁶. Здесь же имеются сведения и о военном совете воевод с начальными людьми боевых отрядов – головами.

В фондах РГАДА широко представлена переписка Разряда о полковых делах в 1632–1633 гг., военных действиях против Речи Посполитой. Так, сохранилась переписка с воеводой Путивля князем Андреем Федоровичем Литвиновым-Мосальским⁷, брянским воеводой стольником князем Василием Григорьевичем Ромодановским и головой Никитой Оладыным⁸, воеводой Севска Михаилом Федоровичем Еропкиным⁹, а также воеводами других северских городов.

Вторую группу источников составляют документальные материалы о военной службе:

а) источники с послужными списками «служилого города» и приборных городовых сообществ, принимавших участие в военных экспедициях и в походном войске на «литовской» Севере. Любопытным примером последних могут послужить списки отличившихся в походах рылян и путивлян на черкасские городки Миргород, Ивангородок, Ичня, Ромны, Серебряный, Батурин и Борзна в 1632–1634 гг.¹⁰, челобитные служилого и «жилецкого» населения Северской земли о своих нуждах, возникших тяжбах, спорах и т. д. Здесь в качестве примера, свидетельствующего об участии в Северском походе не только служилых, но и так называемых жилецких людей, составивших «загоны» (отряды) охочих ратников (преимущественно из дворцового крестьянства), приведем челобитную комарицкого крестьянина Степанки Голика «со товарищи» севскому воеводе Федору Пушкину об отпуске их бить челом царю за «трубчевскую службу и за раны о жаловании»¹¹;

б) свод данных о количестве ратных людей, находившихся в составе походных ратей группировок брянчан Андрея Зиновьева, Паука Львова, Никиты Оладына (северной) и вышедших из Севска Баима Болтина с Иваном Еропкиным (южной), а также тех служилых, что остались при гарнизонах городов, находившихся в пределах Северского театра Смоленской войны. Кроме того, в настоящем подпункте стоит выделить особо источники подобного же характера о жителях Путивля и Рыльска, задействованных в военных экспедициях на территорию черкасских городков и острожков Речи Посполитой. Пожалуй, лучше всего сведения источников данной группы представлены в Разрядных книгах: количество северских служилых людей (путивлян, рылян, севчан, черниговцев и новгород-северцев), прикомандированных к войску Ивана Еропкина и Баима Болтина – «на Севёре с воеводами с Иваном

Еропкиным да с Баимом Болтиным» – отмечено в столбцах 390 и 391. Характерно, что, в соответствии с этими данными, из Рыльска и Путивля в походной рати указанных воевод находилась половина «служилого города» – «а другим половинам быти в городех»¹². Любопытные сведения о наборе в качестве ратного подспорья войску Ивана Еропкина и Баима Болтина 500 охочих вольных людей в казаки «во всех Северских городех и в Комаритцкой волости»¹³. Следует отметить, что прибор охочих оказался мало удачным, вольных людей было набрано недостаточно: «...и северских, государь, городов, и ис Камарицкой волости охочих людей в казаки ништо не пишуца и в службу не прибираюца»¹⁴.

Расскажем о ключевых вехах «Северского похода» 1632–1633 гг. на юго-восточном театре боевых действий в период войны за Смоленск. Следует заметить, что данная военная кампания по праву может именоваться Вторым Северским походом, т. к. подобное наименование уже встречалось в актах 1613–1618 гг., относящихся к военным экспедициям после Смуты и до «королевичева прихода» путивльских, рыльских, новгород-северских и стародубских ратных людей против отрядов полковника Александра Лисовского¹⁵.

Итак, к 1632 г. истек срок длившегося более 14 лет перемирия, подписанного в декабре 1618 г. близ Троице-Сергиева монастыря в Деулино. Одним из главных условий данного мирного соглашения были территориальные уступки Речи Посполитой со стороны Московии «искони» спорных земель, к которым, кроме Смоленска и псковских пригородов Невеля и Себежа, а также Серпейска, относились и города Северской земли. К последним причислялись Новгород-Северский, Стародуб-Северский, Трубчевск, Почеп и Чернигов, пустовавший после сожжения его в 1611 г. польским отрядом региментаря (regimentarz) Самуила Горноста¹⁶.

В июне 1632 г. на Земском соборе была поддержана идея войны, однако неожиданное вторжение крымцев вынудило отсрочить ее начало на несколько месяцев. В августе воеводы М. Б. Шеин и А. В. Измайлов выступили из Москвы к Смоленску, но продвижение их оказалось настолько медленным, что к месту они были лишь в декабре 1632 г. Так, на центральном (западном) направлении еще до подхода войска Шеина и Измайлова отряд Федора Сухотина 18 декабря¹⁷ занял Дорогобуж, стольник Богдан Нагой, выступив из Калуги, занял Серпейск (12 октября) и Рославль. Вместе с этим в октябре князь С. В. Прозоровский занял крепость Белую¹⁸. Началу боевых действий московского войска на другом участке – Северском театре – сопутствовала удача: польские магнаты оказались не способными наскоро организовать оборону восточных границ Речи Посполитой.

Осенью 1632 г. московским правительством было принято решение о подготовке так называемого Северского похода для возвращения в

состав русского государства прежних «московских» городов и уездов, дабы «Северские города Новгородок, Стародуб, Трубчевск, Чернигов, Монастыревской [Монастырский] учинити под государевою высокою рукою к Московскому государству». Сперва русским отрядам Северской земли, организованным в виде двух группировок – брянской (северной) и севской (южной) – была поставлена задача очистить от литовских людей Новгород-Северский, Трубчевск, затем Стародуб и Почеп. Параллельно с этим планировалось, что воевода Богдан Нагой из Серпейска вышлет на Северскую «украину» голов с дворянами и детьми боярскими вместе со служилой мелкотой: «...велено с ними с Иваном [Еропкиным] и с Баимом [Болтиным] ссылаясь над Литовскими людьми промышлять вместе»¹⁹.

Первым брянским воеводой Никитой Оладьиным 17 ноября 1632 г. был взят острожек Почеп. Одновременно с отрядом Баима Болтина и Ивана Еропкина из Брянска под Трубчевск выступила рать головы Андрея Зиновьева, к 5 декабря двухнедельной осадой вынудившая город сдаться. 20 декабря 1632 г. Новгород-Северский был взят в осаду, городские укрепления (в частности, Иерусалимская башня) подождены путивльскими охочими людьми селитрянника – черниговского сына боярского Дмитрия Горбунова. Осажденный гарнизон из шляхты, гайдуков и черкас вынужден был сдаться москвитам. 8 января 1633 г. отряд упомянутого выше воеводы Никиты Оладыина осадой взял Стародуб.

Все действия ратных людей во время подготовки кампании по возвращению в состав Московского государства Новгород-Северского, Трубчевска и прочих указанных городов сопровождалось ведением соответствующей документации. В первую очередь это предписания московским чинам (наказы им) и назначения их на должность полковых воевод, а также указы ратным людям Северной «украины» о действиях за «литовским рубежом», сведения о хозяйственном (и отчасти моральном) состоянии русского войска в начале запланированного похода. Московским ратникам велено было «чинить» литовцам и полякам «задоры всякие», «промышляти, смотря по вестем и тамошнему делу». Необходимо отметить, что информативность документов обо всех этапах «возвращения» в состав Московского государства «отдаточных» (возвращаемых) городов по своей сути скудна. Наиболее полную картину может дать свод источников лишь по боевым действиям в Новгород-Северском и Трубчевске, где осенью 1632–1633 гг. развернулись гораздо более масштабные сражения. Обусловлено это, в частности, тем, что Новгород-Северский и Трубчевск были гораздо лучше укреплены и укомплектованы служилыми гарнизонами, а также превалирующим значением данных городов в бассейне Десны и, соответственно, бóльшим стремлением поляков отстоять их. Об этом – чуть ниже.

При анализе источников об осаде, ходе боевых действий и взятии северских городов, что засвидетельствовано в отписках воевод, начальных людей и (реже) рядовых участников событий, следует учесть некий элемент намеренного искажения и преувеличения, присущий ряду подобных актов, с частичной утратой достоверности. В связи с этим только сравнительный анализ сведений аналогичного комплекса документов помог бы представить наиболее реальную и целостную картину всего происходящего. В делах, содержащих челобитные дворян и детей боярских (реже – приборных служилых) о собственном пожаловании за ратную службу и «нужду», нередко присутствуют описания боевых действий с количественными данными о неприятельских отрядах, числе захваченных языков и т. п., но какой-то более содержательной информации в них, как правило, нет.

Документальные источники о начальных этапах Северского похода и продвижении русских ратных группировок к польско-литовской границе содержат последовательную информацию, порой сообщающую о непростых отношениях в среде командного состава. Так, имеются сведения о выступлении рати Баима Болтина к «новгород-северскому рубежу» и ожидании в селе Орля Чемльжского стана Комарицкой волости Севского уезда подхода ратных людей Ивана Еропкина²⁰. Источники сообщают, что между Баимом Болтиным и севским воеводой Михаилом Еропкиным возник спор по поводу высылки из Севска комарицких охочих людей: «...по своей недружбе охочих людей не присылал [в войско] ни одново человека, а которые ... охочие люди в Севске и Комаретцкие волости крестьяне похотели ... государю служить – с Баимом Болтиным идти не велел»²¹.

Почеп. В исследованных нами документах имеются данные об осаде и взятии 17 ноября 1632 г. острожка Почеп русскими войсками брянской группировки голов Никиты Оладыина и Паука Львова²² – «с ратными людьми город Почеп от литовских людей очистили, и польских и литовских людей многих побили»²³, – а также о формировании нового гарнизона и «городовой поделке» (ремонте) стен почепского острога «бывшими»²⁴ детьми боярскими этого города и брянскими стрельцами²⁵. Ратные люди полагали, что ныне здесь им будут возвращены их бывшие поместья, однако вскоре Почеп вновь был занят литовцами.

Трубчевск. Характерные источники содержат информацию о взятии города – известной вотчины князей Трубецких²⁶, действиях севчан во главе с подьячими севской съезжей избы Григорием Ферапонтовым и Афанасием Никитиным возле «Трубчевского рубежа», боях с поляками в комарицкой деревне Дубровка близ Карачева. Представление о происходивших вокруг Трубчевска событиях дополняется сведениями о вос-

соединении комаричан и севчан с карачевскими служилыми людьми, пополнении этого отряда людьми севского стрелецкого и казачьего головы Григория Бакшеева с артиллерийским нарядом²⁷, сдаче города голове Семену Веревкину²⁸.

Примечателен случившийся в Трубчевске после сдачи города московским людям эпизод разгула ратных и охочих людей, который приобрел угрожающие масштабы: брянскому голове Андрею Зиновьеву поступали жалобы от литовских людей Трубчевска, «чтоб от грабежа комарицких мужиков и карачевских казаков унимал»²⁹. Камнем преткновения являлась добыча в завоеванном городе, попытки отобрать которую у ратных людей некоторые авантюристы предпринимали даже среди своих соотечественников. Так, в челобитной крестьян всех четырех станом Комарицкой волости, ходивших в составе охочих людей под Трубчевск, была жалоба на брянских дворян и детей боярских, грабивших их «по дарогам».

Начальные служилые люди (головы) северской походной рати Григорий и Осип Бакшеевы и Андрей Зиновьев не преминули воспользоваться случаем захватить полоняников для своих поместий. Любопытны челобитные жителей Трубчевского уезда, назвавших себя дворцовыми крестьянами в надежде, что удастся избежать похолопления³⁰. С момента «приема» Трубчевска снова в состав Московского государства целый уезд (бывшая вотчина князей Трубецких) был определен в дворцовое ведомство. Крестьяне, зная об этом, воспользовались изменением своего статуса³¹.

Новгород-Северский. Особый интерес для исследователя представляют сведения о северской походной рати, вышедшей из Севска с воеводами Баимом Болтиным и Иваном Еропкиным, о боях в предместьях Новгород-Северского³² и его взятии 20 декабря 1632 г.³³, а также милостивом слове царя Михаила Федоровича воеводам, взявшим Новгород-Северский – Баиму Болтину и Ивану Еропкину, – с «повелением» немедленно укрепить город и собрать в нем хлебные запасы со всего уезда³⁴. Упоминания о неудавшемся приступе поляков и черкас к городу³⁵ и бое отправленного на вылазку против «литовских людей» сына боярского Афанасия Никитина с литовскими людьми под Новгород-Северским³⁶ дополняют общую картину происходивших в этот период событий.

Стародуб. Документальные материалы о возвращении Московскому государству Стародуба-Северского представлены извещением о взятии русскими Почепа и царским приказом осылке отряда под Стародуб³⁷, описанием боев за город³⁸, описью трофейного артиллерийского наряда³⁹. Нашли отражение в письменных источниках и такие события, как формирование нового гарнизона⁴⁰, литовские приступы под Почеп, разгром литовцев отрядом головы ратных людей Григория Еропкина⁴¹.

Формирование гарнизона в Стародубе было сопряжено с разного рода трудностями. В част-

ности, это касалось недобора ратных людей «пушкарского чина» – пушкарей и затинщиков⁴², пополнять штат которых пришлось выходцами из Севска. Любопытна челобитная 222 стародубских детей боярских 1647 г. с просьбой перевести их на «вечное житье» в «новоприемный город» Олешню. В своем прошении на имя государя дети боярские сообщают, как были выведены в 129 (1621) г. из Стародуба в Брянск, а оттуда в Алатырь, где жили до начала Смоленской войны. После взятия Стародуба служилых помещиков опять перевели туда, но вскоре город снова отошел к польской короне и им пришлось вернуться обратно в Алатырь⁴³.

Характерным примером боевого столкновения нового гарнизона Стародуба с появившимися в уезде поляками была вылазка в село Путовичи голов ратных людей Ивана Бакшеева и Василия Офросимова с дворянами, детьми боярскими, московскими стрельцами и севрюками (охочие люди Карачевского уезда – «Сомовские волости мужики»)⁴⁴.

Приободренное боевыми успехами под Новгород-Северским и Стародубом московское правительство, не решаясь открыто заявить свои претензии на Гомельскую землю (включая Чечерск) и пригороды Могилева (Кричев), смотрела сквозь пальцы на несанкционированное проникновение в Речь Посполитую своих ратных людей. До начала XVI в. Гомель также считался относящимся к Северской земле, одним из спорных для Москвы и Литвы городов, однако позднее он стал «тяготеть» к повету Менскому (Минскому)⁴⁵.

После взятия Новгород-Северского, Стародуба и Почепа все эти города, по сути, являлись плацдармом для наступления под Гомель и Могилев – в пределы современной Белоруссии. Так, 22 января из Стародуба под Гомель за языками вышел отряд голов Богдана Булгакова и Ивана Ермолина, а 30 января ратные люди вернулись в Стародуб. Судя по их словам, московские ратники выжгли посад Гомеля и «повоевали» его уезд, «села и деревни выжгли ж, и уездных людей многих побили и в полон поимали»⁴⁶. Через несколько месяцев, 10 августа 1633 г., произошло взятие Кричева калужскими стрельцами сотников Ивана Лукина и Селиверста Шестакова, а также отрядом вольных казаков Феодосия селитрянного («селитрожного») мастера⁴⁷. Отдельно представлены сведения об участии в походе под Кричев с Федором Еропкиным рославских конных и пеших «мужиков» Углецкой волости⁴⁸ и взятии Пропойска⁴⁹.

Таким образом, ход боевых действий на Северском театре Смоленской войны в 1632–1634 гг. и особенно серьезная активность черкас на Поле подтолкнули российское правительство к мысли об укреплении южной границы. Как показали события данного периода, черкасы, являвшиеся значительной составляющей армии Речи

Посполитой, стали серьезными противниками Московского государства, вполне успешно штурмовавшими русские крепости.

Несмотря на то что основные сражения этой войны развернулись на западном фронте, события, произошедшие на южном российском побережье – «на Поле», – оказали существенное влияние на результаты всей кампании в целом. В частности, это касается боевых действий и военных экспедиций ратных людей Рыльского и Путивльского уездов в пределах Речи Посполитой (в черкасских городах), успешных операций служилых и охочих людей против разных по численности неприятельских отрядов в пределах своих уездов, а также в глубоком тылу польского войска – на территории юго-востока и востока современной Белоруссии. Кроме того, существенной силой, сдерживающей продвижение войска польского магната князя Иеремии Вишневецкого для соединения со смоленской группировкой польских войск являлись осажденные им города Путивль, Рыльск, Севск и Карачев, которые он опасался оставлять у себя в тылу в преддверии запланированного продвижения под Смоленск.

Помимо все прочего, настоящие события являют собой ряд эпизодов, иллюстрирующих непростые русско-украинские отношения, их сложное развитие в первой половине XVII в., а также некоторые черты психологии служилого и «жилецкого» (гражданского, промыслового) населения пограничья со степью – «Подем».

Примечания

- 1 Полное наименование: Акты Московского государства, изданные Императорской академией наук под редакцией Н. А. Попова, члена-корреспондента академии (далее – АМГ). СПб., 1890. Т. 1. (1571–1634).
- 2 См.: Книги Разрядные по официальным оных спискам, изданные с высочайшего соизволения II-м отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии (далее – Книги разрядные). Т. 2. СПб., 1855. Стб. 433–434.
- 3 Там же. Т. 2. Стб. 474.
- 4 См.: АМГ. Т. 1. Стб. 452; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 102. Л. 69–100.
- 5 См.: Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 102. Л. 111–123.
- 6 Там же. Столбцы Белгородского стола. Д. 53. Л. 332.
- 7 Там же. Столбцы Новгородского стола. Д. 27. Л. 8–10, 32–47, 74–78, 94–98, 131–134, 157–159, 173–177, 187–193, 236, 313–317, 329–331.
- 8 Там же, Л. 11–15, 54–60, 65–67, 72–73, 85–89, 107–108, 112–128, 142–143, 154, 178–180, 205–206, 227, 232, 258–264, 269–279, 287–288, 297–309, 320–328, 342–347, 362–372, 381–385, 390–399, 415–424.
- 9 Там же, Л. 16–20, 23–25, 27–31, 82–84, 147–150, 208–211, 222–225, 255–257, 265–268, 280–286, 293–296, 400–414.
- 10 Там же. Столбцы Севского стола. Д. 178.
- 11 Там же. Столбцы Московского стола. Д. 101. Л. 192.
- 12 Книги разрядные. Т. 2. Стб. 422.
- 13 Там же. Стб. 427–433.
- 14 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Д. 99. Л. 43.
- 15 *Ракитин А. С.* Походы ратных людей Северной земли со времени исхода Смуты и до «королевичева приходу» (1613–1618 гг.). Северский поход 1616 года (рукопись).
- 16 Очерки истории города Чернигова (907–1907 гг.). Чернигов, 1908. С. 17.
- 17 Все даты в статье даны по старому стилю.
- 18 См.: *Малов А. В.* Невельское взятие 1632 года: малоизвестный эпизод Смоленской войны // Цейхгауз. 2002. № 3(19). С. 7
- 19 Книги разрядные. Т. 2. Стб. 429.
- 20 См.: РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Д. 60. Л. 106.
- 21 Там же. Л. 197.
- 22 Там же. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 102, 111–123; АМГ. Т. 1. С. 445, 466.
- 23 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 42. Л. 343.
- 24 То есть выведенными после 1618 г. из Почепа в Брянск.
- 25 См.: Книги разрядные. Т. 2. Стб. 466.
- 26 См.: АМГ. Т. 1. С. 447–448; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 98. Л. 18–24.
- 27 Там же.
- 28 См.: РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Д. 95. Л. 701–705.
- 29 АМГ. Т. 1. С. 451; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 102. Л. 69–100.
- 30 Там же. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Д. 60. Л. 336–342.
- 31 См.: *Шеламанова Н. Б.* Трубчевский уезд в XVII веке // Вопросы истории хозяйства и населения России в XVII веке. Очерк по исторической географии XVII века. М. 1974, С. 135.
- 32 См.: РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 102. Л. 111–123; АМГ. Т. 1. С. 445.
- 33 РГАДА. Ф. 210. Столбцы приказного стола. Д. 73. Л. 55–93.
- 34 Там же. Столбцы Севского стола. Д. 95. Л. 525–528, 542–558.
- 35 Там же. Столбцы Белгородского стола. Д. 53. Л. 178–181.
- 36 Там же. Столбцы Приказного стола. Д. 60. Л. 566–573.
- 37 Там же. Столбцы Белгородского стола. Д. 42. Л. 343–356.
- 38 См.: АМГ. Т. 1. С. 560; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 112. Л. 222–242.
- 39 См.: АМГ. Т. 1. С. 553; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 112. Л. 206–219.
- 40 См.: Книги разрядные. Т. 2. Стб. 461–462.
- 41 См.: АМГ. Т. 1. С. 553; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 112. Л. 206–212.
- 42 См.: РГАДА. Ф. 210. Столбцы Владимирского стола. Д. 58. Л. 65–70.

⁴³ Там же. Столбцы Белгородского стола. Д. 263. Л. 231.

⁴⁴ Там же. Столбцы Московского стола. Д. 101. Л. 645.

⁵ См.: *Темушев В.Н.* Гомельская земля в конце XV – первой половине XVI в. Территориальные трансформации в пограничном регионе. М., 2009.

⁴⁶ АМГ. Т. 1. С. 552 ; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 112. Л. 206–219.

⁴⁷ Там же. Столбцы Белгородского стола. Д. 53. Л. 39–40.

⁴⁸ Там же. Столбцы Приказного стола. Д. 60. Л. 169.

⁴⁹ Там же. Л. 268–271.

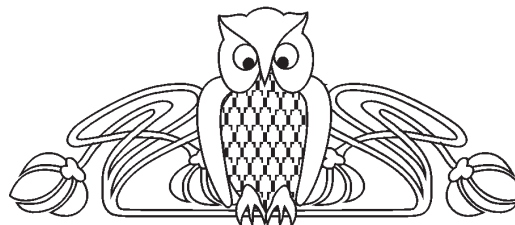
УДК 94 (470.44–25).04+929 Феофилаьев

ВОЕВОДА САРАТОВА ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ ФЕОФИЛАТЬЕВ (1634–1637)

Я. Н. Рабинович

Саратовский государственный университет

E-mail: RabinovichYN@yandex.ru

В статье рассмотрены неизвестные страницы истории левобережного Саратова, связанные с пребыванием в этом городе воеводы Григория Ивановича Феофилаьева. Впервые представлена подробная биография этого деятеля Смутного времени, который участвовал в подавлении восстания Болотникова, а затем перешел на сторону Лжедмитрия II. Автор прослеживает дальнейшую судьбу этого человека, который при Михаиле Романове был воеводой в Алатыре, Касимове, Сургуте, а также послом в Персии.

Ключевые слова: Смутное время, Саратов, воевода, Григорий Феофилаьев, Персия.

The Voivode of Saratov Grigory Ivanovich Feofilatyev (1634–1637)

Ya. N. Rabinovich

In article unknown pages of history of the left bank of Saratov are considered. They are associated with staying in the city voivode Grigory Ivanovich Feofilatyev. For the first time detailed biography of this figure of the Time of Troubles is presented. He participated in the revolt of Bolotnikov, and then has come over to the side of Lzhedmitrij II. The author traces future destiny of this man, who in the reign of Michael Romanov was a voivode in Alatyry, Kasimov, Surgut, and ambassador to Persia.

Key words: Time of Troubles, Saratov, voivode, Grigory Feofilatyev, Persia.

Сведений о воеводе Саратова Григории Ивановиче Феофилаьеве (вариант – Фефилаьев) сохранилось немало. Однако биография этого человека до настоящего времени так и не была написана. Впервые попытку собрать всю информацию об этом воеводе предпринял А. А. Гераклитов. Вслед за А. П. Барсуковым он указал на основные этапы биографии Г. И. Феофилаьева: «... воевода на Алатыре (1614–1615), в Касимове (1617–1618) и в Сургуте (1620 – 1622)», а также уточнил время пребывания его на посту воеводы Саратова (1635 – август 1637 гг.)¹. Исследователь указал на новые источники, неизвестные А. П. Барсукову, который ранее считал, что Г. И. Феофилаьев находился в Саратове только в 1636–1637 гг. А. П. Барсукову были известны только Записные книги Московского стола, в которых указано, что

в 1636–1637 гг. «на Саратове Григорей Иванов сын Феофилаьев»².

Современный саратовский краевед В. Н. Семенов, процитировав труд Гераклитова, дополнительно привел сведения из Саратовской летописи о том, что Г. И. Феофилаьев «вместе с сыном Василием храбро сражался против крымских татар на речке Нойло». Восклицанием «Где находилась такая и когда это было?» уважаемый краевед завершил повествование об этом воеводе³.

Столь незначительная информация о воеводе Саратова Григории Ивановиче Феофилаеве не может быть признана удовлетворительной, ведь в трудах СУАК, введенных в научный оборот ещё до революции, а ныне «выложенных» в Интернете и доступных любому исследователю, довольно часто упоминается этот воевода. Особую ценность представляют статья Павла Петровича Смирнова, написанная в 1916 г., а также приведенные этим исследователем уникальные источники по истории левобережного Саратова. В этих источниках дается подробная характеристика гражданского населения Саратова в 1634 г. и рассмотрена деятельность Г. И. Феофилаьева на посту саратовского воеводы именно в это время (а не с 1635 г., как считал А. А. Гераклитов). Кроме того, многие историки XIX в. подробно освещали ещё одну страницу биографии нашего героя (посольство в Персию), которая почему-то оказалась неизвестной саратовским краеведам.

На основании опубликованных источников попробуем проследить основные этапы биографии воеводы Григория Ивановича Феофилаьева. Известно, что в конце XVI в. некоторые представители дворянского рода Феофилаевых служили в качестве жильцов (1588/1589 г. – Богдан Иванович)⁴, а также выборных дворян из Юрьева-Польского. Среди этих дворян по выбору можно отметить Ивана и Юрия Андреевичей (оклад 500 чети), а также сыновей Юрия Андреевича Дениса и Степана, которые служили «с отцова оклада» в 600 чети и к 1603 г. уже умерли. В Боярском списке 1602/1603 г. упоминается их родственник, Богдан Иванович, который, судя по